

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 128—136.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):128—136.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 322.24(470.323)''1910/1920'':304.3
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-128-136>

Изменение жизненных практик жителей Курской губернии в конце 1910 — начале 1920-х гг. (по архивным документам органов ЗАГС)

Олег Николаевич Аргунов¹, Андрей Русланович Конищев²

^{1,2} Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация

¹ argunovoleg-poet@mail.ru

² akonishhev@inbox.ru

Аннотация. Отделение церкви от государства было одной из ключевых программ советского правительства, реализованной в рамках постепенной модернизации общества, которая была жизненно необходима в условиях международной турбулентности и череды геополитических кризисов первой половины XX в. Данный процесс невозможен без внедрения новых жизненных практик в повседневность обывателя. Подобными практиками стали регистрация гражданскими органами рождений, браков и смерти, которая до этого находилась в исключительном ведении церкви, а также разрешение гражданских разводов. Несмотря на то, что подавляющее большинство населения Курской губернии были верующими людьми, внедрение новых светских повседневных практик, как показал анализ архивных документов, не вызвало широкого социального сопротивления. Однако сам процесс внедрения был сопряжен со сложностями, связанными как с несовершенством самой советской системы управления в конце 1910 — начале 1920-х гг. и недостатком подготовленных кадров, так и с сопротивлением духовенства, которое лишалось существенного влияния на общество и доходов от совершения таинств. В этой связи государство было вынуждено применять определенные санкции, а также наказывать тех лиц, которые отказывались исполнять закон, но подобные случаи в изучаемый нами период имели единичный характер. Большинство граждан встретило внедрение новых практик в повседневность адаптацией их под уже сложившиеся традиции, что не вызвало каких-либо возражений со стороны власти. Кроме того, новые практики, в частности внедрение в семейную жизнь института развода, отчасти позволяли улучшить жизнь определенной части рядовых жителей губернии.

Ключевые слова: Курская губерния, революция, органы власти, ЗАГС, жизненные практики, повседневность, церковь, государственная власть

Для цитирования: Аргунов О. Н., Конищев А. Р. Изменение жизненных практик жителей Курской губернии в конце 1910 — начале 1920-х гг. (по архивным документам органов ЗАГС) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 128—136. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-128-136>

Historiography and Source Studies

Original article

Changes in Life Style of Kursk Province Residents in the late 1910s — early 1920s (on Archival Documents of Civil Registry Offices)

Oleg N. Argunov¹, Andrey R. Konischev²

^{1,2} State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation

¹ argunovoleg-poet@mail.ru

² akonishhev@inbox.ru

Abstract. The separation of church and state was one of the key programs of the Soviet government as part of the gradual modernization of society, which was vital in the context of international turbulence and a series of geopolitical crises in the first half of the twentieth century. This process is impossible without the introduction of new life practices into the everyday life of the average citizen. Such practices were the registration of births, marriages and deaths by civil authorities, which had previously been the exclusive responsibility of the church, as well as the authorization of civil divorces. As the analysis of archival documents has shown, despite the fact that the overwhelming majority of the population of Kursk Province were believers, the introduction of new secular everyday practices did not provoke widespread social resistance. However, the process was fraught with difficulties due to the imperfection of the Soviet system of administration in the late 1910s and early 1920s, the lack of trained personnel, and the resistance of the clergy, who were deprived of significant influence on society and income from the sacraments. In this regard, the state had to apply certain sanctions, as well as to punish those persons who refused to fulfill the law. Nevertheless, such cases in the period under study were isolated. The majority of citizens met the introduction of new practices into everyday life by adapting them to the already established traditions, which did not cause any objections on the part of the authorities. In addition, new practices, in particular, the introduction of the institution of divorce into family life, partly allowed to improve the lives of a certain part of ordinary residents of the province.

Keywords: Kursk Province, revolution, authorities, Civil Registry Office, life practices, everyday life, church, state power

For citation: Argunov O.N., Konischev A.R. Changes in Life Style of Kursk Province Residents in the late 1910s — early 1920s (on Archival Documents of Civil Registry Offices). *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 128—136. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-128-136>

Великая Октябрьская социалистическая революция стала одним из ключевых факторов коренных изменений мирового порядка практически всего XX в. Это событие оказало, по нашему мнению, определяющее влияние на ход дальнейшей мировой истории. Английский историк Э. Хобсбаум констатирует, что «порождением войны XX в. стала революция, в частности — русская революция 1917 года, создавшая Советский Союз, который в результате второго этапа тридцатилетней войны превратился в супердержаву, а в более общем смысле — революция как общемировая константа в истории XX столетия» [1, с. 71]. Однако абстрагируясь от глобальных исторических процессов, стоит отметить, что она оказала не меньшее, а в некоторых случаях определяющее, влияние и на жизнь людей в России, в первую очередь крестьянства.

Крестьянство — самая массовая¹ и наиболее архаизированная [3 ; 4] часть общества нашей страны — в конце первой четверти XX в. столкнулось с совершенно новым для себя явлением — социалистическим госу-

¹ Например, в Курской губернии, по данным переписи 1920 г., из 2 713 тыс. населения 2 514 тыс., или 92,6 %, были крестьянами [2, с. 7].

дарством, которое с первых лет своего существования направило колоссальные ресурсы на освобождение крестьянства от его архаичного наследия. Для достижения цели государством был разработан ряд программ — ликбез, ГОЭЛРО и прочие программы, — которые с разной степенью успешности начали реализовываться в конце 1910 — начале 1920-х гг. Одним из результатов их реализации стало начавшееся еще в царское время превращение страны из аграрной и крестьянской в промышленную и городскую [5, с. 7—8]. Данное обстоятельство прекрасно понимала власть, поэтому встраивание крестьянского большинства в новые реалии государственного пролетарского меньшинства было важнейшей задачей. «Наша Республика — страна земледельческая. Села и деревни — это те корни, которые питают аппарат Советской власти. Чем скорее и правильнее утвердятся в сознании гуцци сельского населения советские принципы, чем скорее землепользование будет производиться с наибольшим соблюдением интересов пролетарского государства в целом, чем скорее установятся правильные взаимоотношения города с деревней, тем обеспеченнее наша победа, победа трудящихся» [6, с. 4]. И данный тезис, на наш взгляд, в значительной степени отражал политику советского государства по отношению к крестьянству.

Путем реализации одной из самых известных программ стало издание серии декретов, затрагивавших вопросы отделения церкви от государства и усиления его роли в повседневной жизни жителей страны.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях, о ведении книг актов гражданского состояния» вопросы учета движения населения из церковного ведомства были переданы в ведение новых светских структур — органов ЗАГС [7]. Тем самым церковь была лишена существенного влияния, а также важного источника доходов.

Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» стал основанием для отделения церкви от государства и школы от церкви [8, с. 371—374].

В настоящее время в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, ретранслированное в массовое сознание, что с реализацией этих документов на практике связаны напрямую последующие гонения на церковь и репрессии в отношении священно- и церковнослужителей [9 ; 10] с целью «уничтожить ее как социальный институт» [11, с. 75—78]. Однако, на наш взгляд, данный вывод является тенденциозным и не отражающим исторических реалий, которые зафиксированы в архивных документах. О свободе вероисповедания в РСФСР говорит хотя бы тот факт, что в 1923 г. на территории Курской губернии работали 1 115 православных и 82 иноверческих зарегистрированных общества, в которых официально состояло более полумиллиона человек [12, л. 19] (в действительности же, по нашему мнению, их было намного больше). Для сравнения, по официальным данным Курской епархии, на 1908 г. в губернии действовали 1 109 церквей, что с учетом строительства новых в период с 1908 по 1917 г. [13, с. 1—253] и существовавших иноверческих приходов дает основание сделать вывод о достаточной степени религиозных свобод на территории региона в этот период.

Свое отношение к религии и исполнению религиозных обрядов советское правительство выразило в циркулярном письме об отношении к религиозным обществам, разосланном всем губернским и городским исполнительным комитетам 28 февраля 1919 г.: «Уравниваются в правах все религии и н[и] одна из них не может пользоваться преимуществами, поддержкой государственной власти и содержанием на средства, принадлежащие всему народу. Каждый гражданин и гражданка получают право исповедовать по своему убеждению любую религию, поскольку религиозные действия не сопровождаются контрреволюционными и уголовно наказуемыми дея-

ниями. И каждый гражданин и гражданка имеют право не исповедовать никакой религии. Не только отменяются насильственные сборы в пользу какой-либо религии, но ни одно религиозное общество не имеет права владеть собственностью, почему все имущества церквей и других общин объявляются достоянием всего народа. <...> Только теперь искренне верующие получили полную возможность свободно исповедовать свои религиозные взгляды и проявлять их в храмах и молитвенных домах, не стремясь [к] собственническому стяжению. Не испытывая гонений и не цепляясь за подачки и поддержку государственной власти» [14, л. 93—94 об.].

Между тем необходимо констатировать, что внедрение в повседневную жизнь новых практик, связанных с отделением церкви от государства (в первую очередь это касалось регистрации рождений, бракосочетаний и смерти в органах ЗАГС), проходило в весьма сложных условиях.

Несмотря на то, что уже в 1918 г. на территории Курской губернии начинают создаваться органы ЗАГС, на места активно рассылаются инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния [14, л. 42—43 об.], работа шла крайне сложно из-за фактического отсутствия кадров. Причем в рассматриваемый нами период эта проблема так и не была решена. Так, согласно докладной записке заведующего Грайворонским уездным отделом ЗАГС от 9 марта 1921 г., «в большинстве случаев в местных ЗАГСах занимают должности делопроизводителей мальчишки-ученики от 14-16 лет, заведующие ЗАГСами малограмотны или вовсе неграмотны... едва в состоянии подписать бумагу, не понимая ни смысла, ни значения ее» [15, л. 42—46].

В докладе заведующего губернским подотделом ЗАГС П. Нестерова от 23 октября 1923 г. отмечалось: «Регистрация актов гражданского состояния за 1919 год во многих волостях если и велась, то кое-как, неправильно, случайно и неполно, без определенной формы и даже на клочках старой бумаги, но и такие записи... в большинстве случаев или утеряны или уничтожены. Губотдел приказал озаботиться уотделам о восстановлении регистрационных книг за 1919 год, хотя бы по церковным записям в тех местностях, где этих книг нет налицо. Но на это предписание уезды сообщают, что на местах совершенно нет бумаги, из которой можно было бы изготовить если не книги, то тетради, чтобы осуществлять текущую регистрацию. Не хватало работников. Так, в Краснояружском волЗАГСе переименована одному гражданину не только фамилия, но и имя, и отчество, а незаконные разводы, якобы по кодексу законов, явление частое. <...> Тут неопытность, неумение, непонимание, словом — практическая беспомощность, которую видя, черные вороны — духовенство, из рук которых вырвано доходное дело регистрации, критически усмеваются и самодовольно каркают» [16, л. 12—13]. Подтверждением тому служат данные о количестве зарегистрированных актов гражданского состояния по Рыльскому уезду за 1919 г. До момента оккупации уезда белогвардейскими войсками (с января по сентябрь) органы ЗАГС регистрировали только 541 акт (229 рождений, 173 смерти и 139 браков) [17, л. 8].

Проблемы, изложенные в приведенном докладе П. Нестерова, действительно имели широкое распространение в губернии. Отчасти их нерешаемость, помимо кадрового голода, можно объяснить отсутствием устойчивой связи между губернским центром и уездами. «Связи постоянной и регулярной с центром и низами не имелось, она велась случайно», — констатировал в своем отчете от 2 марта 1920 г. заведующий подотделом ЗАГС В. Л. Сальников [18, л. 8]. По нашему мнению, одним из препятствий внедрению светских повседневных практик в жизнь Курского региона конца 1910 — начала 1920-х гг. были действия представителей духовенства, продолжавших проводить традиционные обряды и регистрировать их. В письме подотдела ЗАГС Курского уездного исполкома от 19 декабря 1918 г. в Казацкий волостной исполком указано: «1. Строжайшим образом запретить

священникам местных церквей производить обряды бракосочетания, крещения и погребения по требованию лиц, не имеющих на руках соответствующего удостоверения, устанавливающего факт регистрации каждого случая в Исполкоме, причем сельское население должно быть широко осведомлено об этом, с разъяснением, что совершение церковных обрядов не обязательно, и что таковые являются частным делом каждого. 2. Поставить на вид священникам, что за малейшее игнорирование распоряжений они будут представлены суду народного трибунала. 3. Немедленно отобрать в церквях метрические книги, если это еще не сделано, и о последовавших действиях Исполкома по сему положению донести в подотдел» [14, л. 1—1 об.]. Подобные письма были разосланы и в другие волисполкомы и уисполкомы Курской губернии. Однако требования пункта первого письма регулярно нарушались священниками. Наиболее распространенным нарушением было венчание до официальной регистрации в органах ЗАГС.

К примеру, в Рыльском уезде в конце 1910 — начале 1920-х гг. была распространена следующая практика. По закону в брак можно было вступать девушкам с 16 лет, юношам с 18 лет [19]. Однако в эти годы получили широкое распространение ранние браки, которые активно регистрировали служители религиозных культов, при этом официально, в отделе ЗАГС, такие супруги не регистрировали своих отношений, а делали это зачастую значительно позже, спустя несколько лет [20]. Отчасти такую ситуацию можно объяснить плохой работой органов ЗАГС, но действия священников, носящие явно противозаконный характер, объясняют применение к ним соответствующих мер государством, вплоть до арестов и уголовного преследования.

Некоторые церкви активно сопротивлялись изъятию у них метрических книг и запрету на совершение религиозных обрядов ранее государственной регистрации актов гражданского состояния. Так, из письма заведующего Курским уездно-городским отделом управления от 26 ноября 1921 г. начальнику Курской уездно-городской милиции известно, что причт Иоанно-Богословской церкви Курска в конце 1920 — начале 1921 г. отказался передавать свои метрические книги в отдел ЗАГС, сославшись на то, что они уже переданы в отдел милиции третьего участка города. Однако их там не оказалось. В ходе выяснения обстоятельств было установлено, что приходской священник не только активно выдавал гражданам за соответствующую плату метрические выписки, заверенные печатью прихода, что было запрещено законом, но и совершал религиозные таинства (крестил детей, венчал пары) и отпевал умерших, несмотря на отсутствие официальных государственных документов о регистрации актов гражданского состояния [21, л. 116 а].

В большинстве своем подобные практики заканчивались преследованием со стороны государства не только тех, кто совершал таинства, но и тех, кто в них участвовал [22, с. 147—155], наказания для которых в большинстве случаев ограничивалось незначительными штрафами.

Необходимо констатировать, что при всех сложностях внедрения в жизнь курян новых повседневных светских практик городские и сельские жители достаточно быстро их освоили, адаптировав под собственные представления не только о светской, но и о духовной жизни. При этом влияние религиозных представлений оставалось значительным, особенно это касалось обрядовых практик создания новых семей.

Традиционно наибольшее количество браков заключалось в ноябре, январе и феврале. Это было связано, с одной стороны, с периодом относительного отдыха и отсутствия напряженных физических работ, а с другой стороны, в эти месяцы не было продолжительных постов. Анализ журналов сведений о зарегистрированных актах гражданского состояния за 1922 [23, л. 1—91] и 1923 гг. [24, л. 1—71 об. ; 25, л. 1—71 об.] показывает, что дан-

ные тенденции продолжают сохраняться и в начале 1920-х гг. К примеру, в Суджанском уезде за 1922 г. органами ЗАГС было зарегистрировано 2 602 брака, при этом в январе — 472 брака, в феврале — 881, ноябре — 567. В месяцы, на которые приходится продолжительные посты (март), зарегистрированных браков или вовсе нет, или их минимальное количество (к примеру, восемь браков за декабрь 1922 г.) [23, л. 67 об. — 93].

Таким образом, в повседневной жизни жителей Курской области конца 1910 — начала 1920-х гг. можно было наблюдать определенный симбиоз внедряемых новых повседневных практик, имеющих светскую природу, и традиционных, в основе которых лежали религиозные представления. Подобный процесс, считаем, был прямым следствием нежелания подавляющей массы населения вступать в прямой конфликт с властью. В то же время некоторые жизненные практики, имевшие сугубо светский характер, получили определенную поддержку в обывательской среде. Так, постепенно в повседневную жизнь людей начинает входить официальный развод, добиться которого в дореволюционный период было практически невозможно для рядовых подданных [26, л. 8]. Но при этом супругов официально мог развести только суд. Анализ судебных решений за период конца 1910 — начала 1920-х гг., которые хранятся в Государственном архиве Курской области, показал, что в абсолютном большинстве случаев граждане не разводились без причины. В основном разводы оформляли женщины, чьи мужья пропали без вести, что было распространенным явлением в условиях Первой мировой и Гражданской войн, а также революционного лихолетья. К примеру, 9 февраля 1920 г. судья 8-го участка Курского судебного округа И. П. Кондратов вынес решение о разводе Е. Л. Москалевой с Н. Д. Москалевым, которые были в браке с 28 сентября 1903 г., по причине пропажи мужа более десяти лет назад [27, л. 6—6 об.]. Причем, по сведениям Казацкого волисполкома Курского уезда, к середине 1919 г. данная тенденция распространялась во все больших масштабах [28, л. 53]. Судебных решений о разводе из-за измен и прочих проявлений чувств нам выявить не удалось, в связи с чем можно сделать вывод о постепенном становлении в рассматриваемый период определенной культуры разводов, в основе которой лежали не столько решения проблем личной жизни, сколько проблемы выживания (самостоятельно женщина не могла в полной мере вести хозяйство).

Подводя итог, отметим, что внедрение в повседневность курян новых жизненных практик, связанных с функционированием органов ЗАГС, в конце 1910 — начале 1920-х гг. проходило достаточно спокойно, без массового сопротивления, но было осложнено, с одной стороны, отсутствием кадров на местах и их подавляющей некомпетентностью, а с другой стороны, деятельностью духовных лиц, которые игнорировали требования советского законодательства в семейно-брачной сфере. Новые практики вступали в симбиоз с традиционными практиками, благодаря чему успешно приживались в обывательской среде. Необходимо отметить, что внедрение института развода в систему семейных отношений также было встречено позитивно, при этом изначальная его культура формировалась преимущественно не на основе решения личных проблем между партнерами, а в связи с вопросами выживания в сложных экономических условиях конца 1910 — начала 1920-х гг.

Список источников

1. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914—1991) / пер. с англ. О. Лифановой и А. Никольской. М. : АСТ : CORPUS, 2020. 688 с.

2. Труды Центрального статистического управления. Т. 1. Вып. 1. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М. : 14-я тип. Мос. Сов. Нар. Хоз., 1921. 19 с.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. 307 с.
4. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни: 1921—1928 гг. (по материалам Центрального Черноземья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1998. 16 с.
5. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М. : Политическая энциклопедия, 2024. 663 с.
6. Внимание к деревне не должно ослабевать (о связи с волисполкомами) // Власть Советов. 1921. Сент. № 3.
7. Известия. 1917. 20 дек.
8. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1957. 640 с.
9. Соколов А. В. Государство и православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. 810 с.
10. Емельянов С. Н., Шатанкова Е. Н. Особенности проведения антирелигиозных мероприятий большевиков в годы Гражданской войны в российской провинции // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 259—266.
11. Страхова И. А. Взаимоотношение государственной власти и православного духовенства в 1918—1922 гг. (на территории современной Белгородской области) // Историческая социальная и образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6. Ч. 1. С. 75—78.
12. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 976.
13. Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии : в 3 ч. : с картой Курской епархии: за 1908 год / Курская духовная консистория. Курск, 1909. 408 с.
14. ГАКО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 635.
16. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 259.
17. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 335.
18. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 257.
19. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 22 окт. № 76—77. Ст. 818.
20. Красная искра. 1921. 10 июня.
21. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 641.
22. Рогозний П. Г. К вопросу о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства // Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии : сб. докладов межвузов. науч. конф. СПб. : ЛЭТИ, 2013. С. 147—155.
23. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 832.
24. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 977.
25. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 992.
26. Рогозний П. Г. Гражданский брак, развод и революция: конец семейного насилия или разложение семьи? // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 132—154.
27. ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 5.
28. ГАКО. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 9.

References

1. Khobsbaum E. Epokha krainostey. Korotkiy dvadtsatyy vek (1914-1991) [The Age of Extremes. The Short Twentieth Century (1914-1991)]. Moscow, AST, CORPUS, 2020, 688 p. (in Russ.)
2. Trudy Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya. T. 1. Vyp. 1. Predvaritel'nye itogi perepisi naseleniya 28 avgusta 1920 g. Naselenie 58 guberniy Evropeyskoy i Aziatskoy Rossii [Proceedings of the Central Statistical Office. T. 1. Vol. 1. Preliminary results of the Population Census of 28 August 1920. Population of 58 Provinces of European and Asian Russia]. Moscow, 14-ya tip. Mos. Sov. Nar. Khoz., 1921, 19 p.
3. Il'nykh V.A. (ed.) Agrarnye preobrazovaniya i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: ocherki istorii [Agrarian Transformations and Siberian Agriculture in the Twentieth Century: Historical Sketches]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN, 2009, 307 p.
4. Bezgin V.B. Traditsii i peremeny v zhizni rossiyskoy derevni: 1921-1928 gg. (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Traditions and Changes in Russian Village Life: 1921-1928 (based on the materials of the Central Black Earth Region)], Cand. hist. sci. diss. Abstr. Tambov, 1998, 16 p.

5. Kondrashin V.V. Rossiyskaya derevnya v usloviyakh industrial'noy modernizatsii [Russian Village in the Conditions of Industrial Modernisation]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2024, 663 p.
6. Vnimanie k derevne ne dolzhno oslabevat' (o svyazi s volispolkomami) [Attention to the Village Should Not Be Weakened (on Liaising with the Volisol Committees)], *Vlast' Sovetov [Power of the Soviets]*, 1921, September, no. 3.
7. *Izvestiya [Izvestia]*, 1917, 20 December.
8. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. I: 25 oktyabrya 1917 g. - 16 marta 1918 g. [Decrees of Soviet Power. Vol. I: 25 October 1917. - 16 March 1918]. Moscow, Politizdat, 1957, 640 p.
9. Sokolov A.V. Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 - yanvar' 1918 gg. [The State and the Orthodox Church in Russia, February 1917 - January 1918], Dr. hist. sci. diss. Saint-Petersburg, 2014, 810 p.
10. Emel'yanov S.N., Shatankova E.N. Osobennosti provedeniya antireligioznykh meropriyatiy bol'shevikov v gody Grazhdanskoy voyny v rossiyskoy provintsii [Peculiarities of the Bolsheviks' Anti-Religious Activities during the Civil War in the Russian Provinces], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo [Izvestiya South-West State University. Ser.: History and Law]*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 259-266.
11. Strakhova I.A. Vzaimootnoshenie gosudarstvennoy vlasti i pravoslavnogo dukhovenstva v 1918-1922 gg. (na territorii sovremennoy Belgorodskoy oblasti) [The Relationship Between the State Authorities and the Orthodox Clergy in 1918-1922 (on the territory of Modern Belgorod Region)], *Istoricheskaya sotsial'naya i obrazovatel'naya mysl' [Historical Social and Educational Thought]*, 2015, vol. 7, no. 6, part. 1, pp. 75-78.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti (GAKO) [State Archive of Kursk Region (GAKO)]*, coll. R-323, aids. 1, fol. 976.
13. Spravochnaya kniga o tserkvakh, prikhodakh i prichtakh Kurckoy eparkhii, v 3 ch., s kartoy Kurckoy eparkhii: za 1908 god [Reference Book on Churches, Parishes and Parishioners of Kursk Diocese, in 3 parts, with a map of Kursk diocese, for 1908]. Kursk, 1909, 408 p.
14. *GAKO*, coll. R-496, aids. 1, fol. 9.
15. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 635.
16. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 259.
17. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 335.
18. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 257.
19. Kodeks zakonov ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeynom i opekunskom prave [Code of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship Laws], *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government]*, 1918, 22 October, no. 7677, st. 818.
20. *Krasnaya iskra [Red Spark]*, 1921, 10 June.
21. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 641.
22. Rogoznyy P.G. K voprosu o provedenii v zhizn' dekreta ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva [On the Implementation of the Decree on the Separation of Church and State], *Russkaya revolyutsiya 1917 g.: problemy istorii i istoriografii [The Russian Revolution of 1917: Problems of History and Historiography]*, sb. dokladov mezhdvuzov. nauch. konf. Saint-Petersburg, LETI, 2013, pp. 147-155.
23. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 832.
24. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 977.
25. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 992.
26. Rogoznyy P.G. Grazhdanskiy brak, razvod i revolyutsiya: konets semeynogo nasiliya ili razlozhenie sem'i? [Civil Marriage, Divorce and Revolution: the End of Family Violence or the Decomposition of the Family?], *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal [Petersburg Historical Journal]*, 2021, no. 3 (31), pp. 132-154.
27. *GAKO*, coll. R-520, aids. 1, fol. 5.
28. *GAKO*, coll. R-493, aids. 1, fol. 9.

Информация об авторах

Аргунов Олег Николаевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация. E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Конищев Андрей Русланович — старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения, Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация. E-mail: akonishhev@inbox.ru

Information about the authors

Oleg N. Argunov — Candidate of Historical Science, Deputy Director for Research Work, State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation. E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Andrei R. Konishev — Senior Researcher, Research and Information Support Department, State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation. E-mail: akonishhev@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 02.11.2024.

The article was submitted 20.09.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 02.11.2024.